

DOI 10.31250/2618-8600-2022-2(16)-237-251

УДК 39(=512.111))

А. К. Салмин

Музей антропологии и этнографии им. Петра

Великого (Кунсткамера) РАН

Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID 0000-0002-1072-9933

E-mail: antsalmin@mail.ru

■ Рассуждение о науке и о жизни

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена авторскому рассуждению о собственном жизненном пути. Особого внимания, как кажется, заслуживает опыт автора в подготовке кадров для историко-филологических наук в высших учебных заведениях Чувашии. На исторических отделениях и факультетах недостает учебного времени для изучения народных традиций, этногенеза, фольклора, древней, средневековой и современной истории отдельных народов, в том числе истории и языков этносов, населяющих Чувашскую Республику. В то же время на отделениях и факультетах чувашской филологии именно эти предметы изучаются на довольно высоком уровне. Именно глубокие знания, полученные на отделении чувашской филологии, а также самообразование помогли автору стать первым кандидатом и доктором исторических наук среди чувашских коллег-филологов, а также единственным из чувашей доктором исторических наук, работающим в Российской академии наук. Многие открыли работы автора по этнической истории: до сих пор считали, что исторические предки чувашей пришли из Сибири, а этническое прошлое чувашей восходит к булгарам; А. К. Салмин, изучив первоисточники, пришел к выводу о том, что исторические предки чувашей пришли с Кавказа, а этническую историю чувашей связал с савирами. При этом миграция способствовала сохранению у предков чувашей собственной этнической идентичности. Не меньший интерес представляет суждение исследователя о необходимости приоритета «Я-идентичности» в обществе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этнография, история, чуваш, богатырская сказка, религиозно-обрядовая система, этническая история, биография

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Салмин А. К.

Рассуждение о науке и о жизни.

Этнография. 2022. 2 (16): 237–251. doi

10.31250/2618-8600-2022-2(16)-237-251

A. Salmin

Peter the Great Museum of Anthropology and
Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy
of Sciences

St. Petersburg, Russian Federation

ORCID 0000-0002-1072-9933

E-mail: antsalmin@mail.ru

■ Discourse on Science and Life

ABSTRACT. The article contains the author's reflection on his life journey. The author lays out his vision for training historical and philological sciences specialists in higher educational establishments. In his opinion, the number of course hours at the history departments of the Chuvash universities is not sufficient for the study of folk traditions, ethnogenesis, folk art, ancient, medieval, and modern history of peoples, and the history of the languages of the ethnic groups which reside in the Chuvash Republic. At the same time, the departments and faculties of Chuvash philology study these very subjects at a fairly good level. It was the excellent knowledge received in the department of Chuvash philology, as well as self-education, that helped the author to become the first Candidate and then a Doctor of history among Chuvash philologists, as well as the only Chuvash doctor of history working in the Russian Academy of Sciences.

The author addresses this problem through the prism of his biography. The author's works on ethnic history were instructive. While the traditional point of view was that the historical ancestors of the Chuvash people had come from Siberia and the Chuvash's ethnic past dated back to the Bulgars, the author insisted that the historical ancestor of the Chuvash people had come from the Caucasus and connected the Chuvash' ethnic history with the Sabirs. The author also expresses his opinion about the importance of I-identity in society, which should be given priority.

KEY WORDS: ethnography, history, the Chuvash, heroic fairy tale, religious and ceremonial systems, ethnic history, biography

FOR CITATION: Salmin A.
Discourse on Science and Life. *Etnografia*.
2022. 2 (16): 237–251. doi 10.31250/2618-
8600-2022-2(16)-237-251

Писание истории является делом величайшим, святейшим, стоящим выше всякого другого занятия (Агафий 1996: 83).

ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО

У всех своя биография, и у меня она своя, не спутаешь ни с чьей. Моя мама с самым добрым и красивым именем Кулинé родилась в 1908 г. Когда пришло время, она, как и многие, пошла в школу. Но ровно через месяц ее отец (мой дед) Клементей, стукнув по столу кулаком, сказал: «Дома работы полно!». Так оборвалось мамино образование. Навсегда. Ей пришлось пройти суровую школу жизни. А грифельную доску и грифельный карандаш она подарила мне. И еще из разноцветных треугольных лоскутков сшила мне школьную сумку с двумя ручками.

Вышла замуж мама за высокого, сильного и доброго парня по имени Энтюк (в документах — Антон) из той же деревни, где жила и сама. Была любовь земная. Но крупно не повезло с детьми: родили они 10 детей, но ни один не продолжил их род. Рождались мертвыми или доживали лишь до года. Я до сих пор не могу понять причину этого несчастья. Муж, Антон Кириллович Салмин, ушел на фронт и погиб в 1943 г. Только в 2009 г., после долгих лет переписок с Архивом Министерства обороны, удалось установить место гибели сержанта, командира отделения А. К. Салмина. Его имя теперь значится на братской могиле в д. Анишино Старорусского района Новгородской области. Кстати, и я служил недалеко от тех мест, также в звании сержанта и в должности командира отделения. Мистика? Не знаю.

Мама ждала мужа еще долгих шесть лет. Под видом поиска не вернувшейся с поля овечки она то и дело выходила за околицу и пристально глядявалась в дорогу, ведущую в районный центр. Среди писем Антона Кирилловича (все эти письма теперь хранятся в архиве деревенской школы) есть и письмо, в котором он писал жене, что хочет вырастить вместе с ней ребенка, возможно, и не собственного. Так появился в семье чувашской женщины Кулинé я. Кроме фамилии, мама дала мне и имя своего мужа. Потом, учась уже на IV курсе университета, я решил поменять и отчество. Так в доме появился второй Антон Кириллович Салмин. А погибшего мужа мамы с этого времени я начал называть папой. Еще до моего появления мама усыновила мальчика из соседнего района. С моим братом Толей мы живем очень дружно, каждый раз, бывая на малой родине, я в первую очередь прихожу к нему.

Детство мое было счастливым и безоблачным. Хотя и не без сучков. Например, в первый класс я пошел без обуви, босиком. Таких мальчиков в классе было еще двое. С 7 лет я без всякой подсказки начал пасти гусей вместе с соседскими девушками. А после 6-го класса пас деревенское

Рис. 1. 1957 г. В 1-м классе

Fig. 1. 1957. In 1st grade. In possession of: the author.

стадо свиней. И после 7-го, и после 8-го, и после 9-го я пас летом свиней, коров, телят, овец, коз. Сначала сельчане нанимали меня просто пастухом, а затем и старшим пастухом. Бегал по полю или босиком, или в лаптях. Пил воду из родников, которые обустроивал сам в оврагах, а кормили меня сельчане трижды в день по очереди. Отношения между нанимателями и пастухом были дружескими. Платили зерном. Поэтому наша клеть всегда была полна хлеба. После 10-го класса меня пригласили охранником в колхозный сад. Обычно я сидел на крыше сарая и читал учебники — готовился поступать в вуз. Время от времени стрелял из двустволки в воздух, чтобы колхозницы собранную малину не уносили, а сдавали в приемный пункт.

СТУДЕНЧЕСТВО

По вузовскому диплому я — филолог, преподаватель чувашского языка и литературы. Среди моих наставников в годы студенчества были ведущие филологи И. А. Андреев, С. П. Горский, Л. П. Сергеев, М. Я. Сироткин, М. Р. Федотов. Впрочем, еще в студенческие годы я интересовался одновременно и филологией, и историей, читал работы и филологов, и историков. Еще взахлеб читал работы члена-корреспондента АН Н. И. Ашмарина, этнографа П. В. Денисова, историка В. Д. Дмитриева, языковеда В. Г. Егорова, археолога В. Ф. Каховского и религиоведа Г. Е. Кудряшова. Конечно, интересовался и классикой (Ибн-Фадлан, Н. Я. Марр, Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас, В. В. Радлов). К каждому занятию

готовился очень тщательно: писал конспекты, дополнял, насколько мог, материал своими интерпретациями. На занятиях я обычно сам руку не поднимал, но внимательно слушал ответ каждого сокурсника и добавлял то, о чем не было сказано. Ко второму-третьему курсу преподаватели перестали меня спрашивать, ибо было неинтересно слушать дополнения одного и того же студента. А на экзамены меня просто не пускали: перед началом экзаменов преподаватель выходил в коридор и требовал у меня зачетку, ставил «отлично», подписывал и закрывал дверь. Это не нравилось многим студентам, некоторые считали, чтоб меня тоже следует спрашивать, ибо они были уверены, что найдется вопрос, на который я не смогу ответить. Вся эта неловкая ситуация только подстегивала меня, и я старался заниматься все усерднее. Погрузился в чтение и конспектирование широкого круга литературы. К окончанию вуза у меня накопилось несколько толстых папок с конспектами. В конце IV курса положил на стол своему руководителю и сочинение по спецкурсу, и дипломную работу «Халлап: проблемы чувашского героического эпоса». Меня перевели на VI курс заочного обучения и зачислили в штат кафедры старшим лаборантом и зав. кабинетом фольклористики. Одновременно поручили вести занятия по дореволюционной литературе и фольклору. Были у меня и общественные поручения, в том числе кураторство над студентами V курса. После получения красного диплома меня перевели на должность ассистента.

СУГУБО ЛИЧНОЕ И НЕ ТОЛЬКО

В годы студенчества большую часть времени, с 9 до 21 часа, не выходя на обед, просиживал я в Национальной библиотеке. Да и не всегда были деньги на обед. Почти все сбережения от повышенной стипендии, зарплаты штатного пожарного на хлопчатобумажном комбинате, заработков в студенческих стройотрядах я тратил на покупку книг.

В университете у нас были такие курсы как «Введение в чувашское языкознание», «Чувашская диалектология», «История чувашского языка», «Чувашское устное народное творчество», «Русский фольклор», «История Чувашской АССР», «Древнетюркский язык», «Арабский язык», «Введение в тюркологию», «Сравнительная грамматика тюркских языков», «Сравнительная грамматика чувашского языка», «Введение в научно-исследовательскую работу», «Эпос народов СССР». Мы проходили практику по чувашской диалектологии и чувашскому фольклору, писали курсовые работы по чувашской диалектологии, а дипломную работу — по фольклору. Все эти курсы, разумеется, тесно связаны с изучением народных традиций, чувашской этнической истории, истории языка и фольклора. Между тем на историческом отделении таких курсов не было. Как говорили сами преподаватели исторического отделения, у них по плану

было мало учебных часов, а потому они едва успевали пройти «галопом по Европе и Африке». В итоге, как я полагаю, у студентов-филологов чувашского отделения, при прилежном отношении к учебе, было больше возможностей, чем у студентов исторического отделения, для углубленного познания истории, этнографии, языка, традиций чувашского народа.

Были и другие факторы, влиявшие на подготовку студентов чувашского отделения и «исторический фокус» их образования. На чувашском отделении обучалась и продолжает учиться молодежь из сельской местности, т. е. чуваша из Чувашской Республики и сопредельных районов Татарстана, из Башкортостана, Ульяновской и Самарской областей. На историческом же отделении учились молодые люди преимущественно из Чебоксар, из других городов России, а студентов из чувашских деревень там было совсем немного. Как показывают социологические исследования среди студентов Чувашской Республики, эти обстоятельства оказывают заметное влияние на этническую идентичность, которая среди студентов у выходцев из деревень выше, чем у русских или у горожан, а вот по гражданской идентичности показатели почти одинаковые (Муравьева и др. 2019: 133).

На мой субъективный взгляд, у студентов из сельской местности были (видимо, они и сейчас таковые) и недостатки по сравнению со студентами из Чебоксар. Например, в поведении. Студенты-сельчане склонны подражать своим городским сокурсникам и вообще горожанам. В одежде, манере поведения в обществе и даже в выборе друзей и подруг, во многих случаях сельские преуспевали в заимствовании дурных привычек. Если городские в основном носили скромную повседневную одежду, то выходцы из деревень (видимо, желая казаться современными и модными) часто просто портили одежду, переделывая ее «под хиппи» или вшивая клинья, чтобы сделать брюки-клёш. Порой доходило до расхлябанности. Но я говорю, конечно, только об отдельных случаях. В основном сельские оставались скромными, а в учебе обгоняли городских из-за желания не ударить в грязь лицом.

Вообще почти все чебоксарцы держат крепкую связь с деревней. На каникулы, в отпуск и в выходные, как правило, выезжают в родные пенаты. Помогают своим старикам по хозяйству и огороду, а в город привозят продукты: картофель, мясо, овощи.

Видимо, как раз в годы студенчества и службы в армии я подсознательно анализировал этнографические факты, сравнивая чувашские традиции, манеру с поведением представителей других народов. Особенно ценными были армейские уроки. В армию я пошел по собственной воле. Было странно видеть и наблюдать, как некоторые солдаты проявляли непослушание. Чуваша (по крайней мере — в нашей дивизии) прилагали все силы и умения, чтобы выполнить то или иное задание в строгом соответствии с уставом. Служил я в 6-й спортивной роте Псковской

воздушно-десантной дивизии. За образцовое выполнение задания командования на учениях «Двина», проведенных войсками стран-участников Варшавского договора, удостоен медали «За воинскую доблесть».

Особенности гуманитарного образования я не раз обсуждал с моим сокурсником, деканом факультета чувашской филологии профессором Виталием Григорьевичем Родионовым. Мы решили совместными усилиями вывести на должный уровень преподавание исторических дисциплин здесь. Виталий предложил мне заняться этим вопросом и поехать в Москву, в министерство, с ходатайством об открытии историко-этнографической кафедры на чувашском отделении. Обещал всяческую поддержку со стороны университета. Но мне заниматься оргвопросами не хотелось, и в итоге мы ограничились тем, что с целью усиления чувашского компонента ввели на историческом отделении соответствующий курс, который я читал в течение трех лет. Затем мне пришлось переехать в Питер.

Именно эта волна «историчности» на чувашском отделении предопределила мое поступление сначала в очную аспирантуру Ленинградской части Института этнографии АН СССР, а затем в очную докторантуру московского Института этнологии и антропологии. В итоге я стал первым в истории отделений чувашской филологии кандидатом и доктором исторических наук, а с 2004 г. и по сей день — единственным доктором исторических наук из чувашей, работающих в РАН.

КАНДИДАТСКАЯ

Моя диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук называлась «Типология этнографических связей чувашских сказок о паттырах». Писал ее в очной аспирантуре под руководством доктора филологических наук Б. Н. Путилова, а защитил в последний месяц обучения в Ленинградской части Института этнографии АН СССР в 1986 г. Особенно важной для меня представляется в этой работе идея о сложном отношении обряда и фольклора к действительности:

Историко-типологическое изучение чувашских сказок и традиционной обрядности вскрыло ряд сложных взаимоотношений социально-бытовых институтов и фольклора. Можно говорить о типологических связях между обрядом и сказкой, причем обрядовые идеи реализуются через действия, а сказочные — посредством словесного изображения. Изложить все многообразие связей не представляется возможным в силу их бесконечной вариативности. Связь эта не спонтанна, а представляет обусловленную закономерность (Салмин 1994: 312).

Рис. 2. 1990 г. Экспедиция в Самарской области

Fig. 2. 1990. Expedition in the Samara region. In possession of: the author.

Как часто повторял Борис Николаевич, фольклористика — это и историческая дисциплина. Если исторический факт как-то задокументирован, то образцы фольклора извечно бытовали устно, однако и они, преломляя исторические процессы и события через народное мышление, передают нам те же факты так, как их воспринимал сам творец истории. Изучение чувашских сказок о богатырях привело меня к мысли о том, что чуваша — народ исключительно скромный. Я склонен даже предполагать, что именно из-за этой этнической черты (т. е. скромности) чуваша воспевали свои идеалы не в жанре героического эпоса, сложенного в стихотворно-песенной форме, а в прозаических богатырских сказках.

ДОКТОРСКАЯ

«Народная религиозно-обрядовая система чувашей» — таково название моей докторской диссертации. Моим научным консультантом был член-корреспондент РАН С. А. Арутюнов. Диссертация написана и защищена в период моего очного обучения в Институте этнологии и антропологии в Москве в 1992 г.

В заключительной части сочинения, в частности, сказано, что

исследование самобытного и обширного слоя культуры позволило получить гносеологическое представление о фольк-религии чувашей. <...> Наша

Рис. 3. 1992 г. С профессором Хедой Ясон

Fig. 3. 1992. With Professor Heda Jason. In possession of: the author.

систематика максимально близка к естественной системе изучаемого феномена. <...> Последовательная реконструкция и классификация праздников, обрядов и верований — это изложение системы воззрений народа. <...> Полевые наблюдения, архивные изыскания, изучение опубликованного материала и системное изучение подводят к выводу о генотеизме религии чувашей. Источники указывают на их промежуточный характер между Востоком и Западом. В частности, материалы служат мостом между индо-иранской и скандинавской религиями. В то же время следует говорить о Волго-Камском едином субстрате народной религии, что выражается в сходстве религии чувашей с религией народов финно-угорской группы — прежде всего с удмуртской и марийской (Киремет, Шилёк, сёрен и т.д.) (Салмин 2007: 611–612).

Наиболее яркими всенародными праздниками являются *Учук*, *Вйй*, *Ѕаварни* и *Акатуй*. Все они предельно тесно связаны с историей и повседневной жизнью носителя традиции. *Ѕаварни* посвящен встрече летнего сезона. *Акатуй* (букв. ‘свадьба плуга и земли’) проводится в связи с выходом на весенний сев, он же является наиболее любимым праздником сегодня, причем проводится, как говорится, на правительственном уровне. *Вйй* — молодежный хоровод, наполненный красотой и песнями, несущимися над полями. *Учук* проводится после посева и обращен к верховному божеству *Турй* с просьбой помочь вырастить хороший урожай, с просьбами о здоровье детей в семье и скота в хозяйстве.

ЭТНОГЕНЕЗ

За последние годы опубликовал ряд книг и статей по вопросам этнической истории чувашского народа. В этих работах проанализированы основные версии истории происхождения и формирования чувашского народа.

Наиболее важные вехи истории народа, как мне представляется, следующие:

История предков чувашей состоит из нескольких пространственно-временных периодов.

1. Северный Кавказ (не позднее 127–737 гг.).
2. Салтово-маяцкая культура (737–896 гг.).
3. Левобережье Среднего Поволжья (896–922 гг.).
4. Правобережье Среднего Поволжья (922 г. — по сегодняшний день).

Факты говорят в пользу того, что савары/сапиры/савиры/сабиры/сувары верно оценивали ситуации на своем стратегическом пути. Ушедшие в 922 г. на правобережье Волги сувары — это ядро предков современных чувашей, сумевшее на своем долгом историческом пути сохранить исконные традиции и избежать участи быть поглощенными исламской культурой. Пройденный предками чувашей путь представляет собой историю поиска себя. Если даже отложим все предположения, относящиеся к событиям до нашей эры, то остаются сведения начала нашей эры. Это свидетельства Птолемея (II в.), Элия Геродиана (III в.), Аммиана Марцеллина (IV в.), Приска Панийского, Прокопия Кесарийского и Стефана Византийского (V в.). В это время тюрков на Кавказе еще не было. Они появляются в регионе в VI в. (Салмин 2019: 246–247).

Рис. 4. 2010 г. С профессорами Полом Вертом (США) и Андреасом Каппелером (Австрия)
Fig. 4. 2010. With professors Paul Werth (USA) and Andreas Kappeler (Austria)

К сожалению, и сегодня этногенез (этническая история) чувашского народа остается трудной задачей. Несмотря на наличие исторических источников, исследователи так и не сумели выработать достоверную версию об исторических предках чувашей. Мне абсолютно непонятно, почему труды историков II–VI вв. очень мало используются при изучении кавказского периода истории чувашей. Сколько могут продолжаться безосновательные рассуждения лингвистов о центральноазиатском исходе чувашей? Языковеды ссылаются на тюркоязычность чувашей, указывают на обилие тюркской лексики. Но ведь еще В. В. Радлов констатировал, что чувашский язык, как и якутский, первоначально был не тюркским, он стал тюркским со временем. Негодовал по этому поводу и А. Н. Кононов, называя чувашей не тюрками, а тюркизированным народом.

Обратимся хотя бы к надписям на эпитафиях XIII–XV вв. с территории Татарстана и Чувашии. Основная их часть прочитывается с помощью чувашского языка, а остальные — с помощью тюркских наречий. Но ведь до середины XIV в. тюркских слов на этих эпитафиях не было.

О тюркизации чувашей писали многие этнографы и языковеды. Среди них следует назвать также Вильгельма Крёнбега, Густава Рамстедта и Н. Н. Поппе. Чтобы было немного понятнее, поясню: Поппе

ввел даже термин *Chuvash-Turkic languages*. Однако нынешние лингвисты продолжают изучать язык ассимилированных (иранизированных, угризированных, тюркизированных и т. д.) чувашей. Так почему же мы продолжаем игнорировать явно чувашские слова Кавказа? Сколько архаичной лексики в этом регионе прямо на поверхности. На территории Арана и современного Азербайджана до сих пор бытуют топонимы типа *савар*, *сувар*, *сабир*. Как можно не видеть совпадения чувашского слова *сыр* ‘обрыв, яр’ и армянского *цор* ‘ущелье’? Эта статья — не повод вдаваться в дебри этнической истории. Как говорится, надо глубже изучать матчасть. Да и публикаций, основанных на достоверных исторических источниках, уже не мало. Видимо, приятнее найти богатого дядю, чем иметь всеми забытую родню. У чувашей на этот счет есть пословица: *Вярман урли курйанать, сямса айёнчи курйанмасть* «То, что находится за лесом — видим, а что под носом — не видим». А пока... Пока продолжаем предлагать нашим студентам квазиистории чувашского народа по учебникам наших краеведов, написанных, вероятно, на досуге. И даже вручаем за эти красиво и дорого изданные книги Государственные премии.

ЭПИЛОГ

Признание как уважение человеческого и этнического достоинства, требование быть уважаемым как минимум наравне с другими, желание заслужить почетное отношение, по меньшей мере, в своем кругу, в эпоху всеобщего достатка и образованности становится необходимой категорией. Игнорирование такого желания вызывает агрессию. С целью нивелирования таких нежелательных ситуаций создаются правила игры. Чувашки, как и любое национальное сообщество, признают историю своих предков, свои вековые традиции и осознают неизбежность интеграции с другими подобными общинами. Оказавшись в иной культурной и социальной среде, индивид начинает осознавать свою ценность острее. Более того, у него возникает разногласие между внутренним «Я» и своей прошлой жизнью. Тут его действия могут принять разнонаправленное развитие: сохранение идентичности, размывание в мультиэтнической (или просто иной) среде или радикальное мышление. Индивид и этническое сообщество начинают добиваться публичного признания. Тут многое зависит от того, кто их будет оценивать и судить. Но важно то, чтобы действия противоположных сторон смогли находить, как говорится, точки соприкосновений и таким образом, возможно, удастся нащупать пути интеграции ради прогрессивных идей (Салмин 2021: 186).

Пока всеобщая ошибка в российском социуме — это приоритет общественных интересов над личностными. А надо бы, чтобы

Рис. 5. 2010 г. На кафедре фольклористики Хельсинкского университета с аспиранткой Галиной Мишариной

Fig. 5. 2010. At the Department of Folklore Studies of the University of Helsinki with graduate student Galina Misharina. In possession of: the author.

«Я»-идентичность была в центре внимания. Ведь общество, в конце концов — это сумма индивидуумов. «Я»-идентичность включает психофизиологическую, личностную и социальную идентичности. Речь идет о работе индивида над собой и о приобретении опыта во взаимодействии с социумом. Поэтому задачи общества должны быть подчинены развитию «Я»-идентичности. Чем комфортнее каждому — тем лучше будет развиваться общество (социум, государство), ибо каждая личность сможет вложить в общую копилку свои способности.

А как быть с теми, кто занят в жизни лишь стремлением контролировать других и пакостить? Такой вопрос тоже справедливый. Например, на моем жизненном пути было много оппонентов, наделенных явными и неочевидными полномочиями и связями. Так или иначе (и я считаю, что их мотив — зависть, переходящая в ненависть) они пытались ставить палки в колеса. Однако такие «вмешательства» только подзадоривали, поднимали мой тонус, указывали на превосходство. На подобные нашептывания я никогда не реагировал, лишь вносил тактические правки в свою жизненную стратегию. Иначе бы зачах на постуниверситетском уровне. Что касается зависти, ненависти и прочих вредных привычек, то они только съедают человека изнутри, превращаясь в цель жизни (если не сказать — в профессию).

Рис. 6. 2014 г. Международная конференция по Кавказу, Москва

Fig. 6. 2014. International Conference on the Caucasus (Moscow). In possession of: the author.

Естественно, любой исследователь имеет своих предшественников. Некоторых из них он может назвать своими учителями. В моей жизни тоже есть Учителя (но не кумиры): академик РАН И. М. Стеблин-Каменский, член-корреспондент РАН С. А. Арутюнов, доктор исторических наук Н. Л. Жуковская, доктор филологических наук Б. Н. Путилов, профессор Питер Голден (Peter Golden). Каждый из них внес в мою исследовательскую методологию свой важный вклад, и именно такие влияния стали своего рода «кирпичиками» в ней.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. Пер., ст. и примеч. М. В. Левченко. М.: Арктос, 1996. 256 с.

Муравьёва И. В., Павлова А. Н., Селиванова С. А., Шумилова О. В. Гражданская и этническая идентичности студентов Чувашской Республики в историко-этнографическом контексте // Вестник Чувашского университета. 2019. № 4. С. 132–137.

Салмин А. К. Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. 654 с.

Салмин А. К. Праздники, обряды и верования чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. 688 с.

Салмин А. К. Савиры, болгары и тюрко-монголы в истории чувашей. СПб.: Нестор-История, 2019. 296 с.

Салмин А. К. Признание как феномен этнической идентичности // Вестник Чувашского университета. 2021. № 2. С. 181–188.

REFERENCES

Agafii Mirineiskii. *O tsarstvovanii Yustiniana* [On the reign of Justinian]. Moscow: Arktos, 1996. (In Russian).

Murav'yova I. V., Pavlova A. N., Selivanova S. A., Shumilova O. V. [Civil and ethnic Identity of Students of the Chuvash Republic in historical and ethnographic Context]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2019, no. 4, pp. 132–137. (In Russian).

Salmin A. K. [Recognition as a phenomenon of ethnic identity]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2021, no. 2, pp. 181–188. (In Russian).

Salmin A. K. *Prazdniki, obryady i verovaniya chuvashskogo naroda* [Holidays, rites and beliefs of the Chuvash people]. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo Publ., 2016. (In Russian).

Salmin A. K. *Saviry, bulgary i tyurko-mongoly v istorii chuvashei* [Savirs, Bulgars and Turkic-Mongols in the history of the Chuvash]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2019. (In Russian).

Salmin A. K. *Sistema religii chuvashei* [Chuvash religion system]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2007. (In Russian).

Submitted: 10.12.2021

Accepted: 05.04.2022

Article published: 01.07.2022